

МИФЫ ОБ «ИСПОРЧЕННОМ ЗАПАДЕ» И «ДУХОВНОЙ ЧИСТОТЕ СЛАВЯНСТВА» В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

© 2019 г. Л. Матейко

PhD, доцент Университета Коменского в Братиславе

E-mail: lubor.matejko@gmail.com

В статье рассматривается динамика восприятия славянских и неславянских литератур в словацкой среде, роль мифов об «испорченности Запада» и «духовной чистоте Славянства» в переводческой и издательской деятельности в XIX–XXI вв. Приводятся цитаты словацких славистов и статистические данные об изданиях словацких переводов с различных европейских языков в XIX–XXI вв. Особое внимание уделяется анализу тенденций в переводах произведений русской литературы.

The article deals with the dynamics of the perception of Slavic and non-Slavic literatures in Slovak milieu, the role of myths about the «depravity of the West» and the «spiritual purity of the Slavs» in translation and publishing from the nineteenth to the twenty-first centuries. Quotations from the Slovak Slavists and statistical data on the publication of Slovak translations from various European languages in the period under scrutiny are presented. Particular attention is paid to the analysis of trends in translation of works by Russian writers.

Ключевые слова: славяноведение, история перевода, словацкая литература, мифы об «испорченном Западе» и «духовной чистоте Славянства».

Keywords: Slavic studies, translation studies, Slovak literature, myths of the «depravity of the West» and the «spiritual purity of the Slavs»

DOI: 10.31857/S0869544X0004725-0

Корни представлений об упадническом и испорченном Западе в словацком литературном дискурсе обычно ассоциируются с «литературным» консерватизмом Яна Коллара, а именно с его отрицанием Байрона и идейных принципов западноевропейского романтизма. В данной связи принято цитировать трактат Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», в котором он пишет, что «байронизм есть лихорадочный бред и отупление естественных чувств, отсутствие добродетели» и «роскошь бытия в чувственно-духовном исступлении» [1. S. 148].

В неприятии Колларом Байрона можно видеть и нечто большее. Несомненно, при написании «Дочери Славы» Коллар вдохновлялся, как минимум,

композиционным приемом странствия, который использовал Байрон в «Чайлд Гарольде» [2. S. 184], но не меньшее значение имеет и вдохновение идейным планом поэмы Байрона. В «поэтическом путеводителе» Байрон воспевал красоты Португалии, выражал симпатии испанцам, скорбел над поработанной Грецией, бросал взгляд на живописную долину Рейна, Альпы, прославлял города Италии и величественную историю этой страны..., а славяне оставались обойденными стороной. Не удивляет, что Коллар почувствовал потребность дополнить то, чего не хватало в «Чайлд Гарольде», доказать, что и «варварскому» Востоку есть что показать и, таким образом, исправить «несправедливость». Свою «миссию» прославить славян в качестве народа, имеющего такую же великую историю, как и прославленная Италия, Коллар завершил в произведении «Староиталия славянская» («Staroitalie slavjanská»), в котором он предьявил «открытия и доказательства славянских элементов в географии, истории и мифологии особенно в речи и в литературе древних итальянских и соседних племен, из коих следует, что среди первых поселенцев и жителей этой страны славяне многочисленнее многих были». Далее в введении он писал, что «наступают уже времена, когда не будет стыдно за принадлежность свою к славянам и в прошлом, и в будущем [...]». Европа! Сказать позволю тебе: открой глаза, взгляни на славянство, верь, что не будет твоя история полной и правдивой, пока ты этого не сделаешь!» [3. S. IX]¹.

Штур лишь следовал за Колларом, когда он принципиально отверг поэзию Байрона, которая была для него апофеозом «упрямства, подходящая для людей, разочарованных в себе, людей странных и отчаянных, но не для тех, для кого звезды светятся ярче». Согласно Штуру, «Байрона не заботят моральные идеи, не нужны ему человеческие стремления [...], ему необходимо блеснуть чем-то новым и необычным, и поэтому везде и всегда ему нужно представить деяния и победу духа в самых необычных, выдуманых, странных и противостественных положениях [4. S. 293].

Что же было сущностью возражений Штура по отношению к западноевропейскому романтизму? Ответ дал сам Штур в сочинении «О народных песнях и повестях племен славянских», где он описал романтическую поэзию как упадническую и объяснил свое отношение на примере «Фауста» Гете следующим образом: «Упадок этот виден в самом продуманном произведении Гете, в его Фаусте [...]. Как Фауст [...] из тяжелейшего напряжения и стремления проникнуть в непостижимую бесконечность впадает в болото чувственности и роскоши и думает, что он уже нашел истинный путь. Современное искусство этого мира несет на себе явные и очевидные знаки этого упадка и испорченности» [5. S. 17].

«Болото чувственности и роскоши», признаки упадка и испорченности Запада еще ярче выразил К. Кузmani во вступительном слове к изданию трактата Коллара «О литературной взаимности» в журнале «Нгонка»: «Если славяне привыкнут к славянским литературам, они перестанут читать французские и немецкие книги и отвернутся от книг, которые портят нравы и которых за границей становится все больше и больше» [6. 1836. Ч. 1. Т. 2]. В этих словах чувствуется недоверие и антипатия по отношению ко всему иностранному и «современному», типичные для патриархального уклада общества, живущего на периферии и почти незатронутого последствиями промышленной

---

¹ Похожее желание показать «забытую» славу и заслуги славян в Европе усматривается уже в первых сочинениях представителей хорватского славизма эпохи Ренессанса и Барокко.

революции как в техническом, социальном, политическом, так и культурном измерении.

Отрицание Байрона, Гете и «их» романтизма – это лишь один из элементов в общей картине консерватизма Коллара и Штура. Более комплексно он прослеживается в последнем сочинении Штура «Славянство и мир будущего [7]. Тут рассуждения Штура вышли далеко за границы литературы, как подсказывает уже эмоциональное обращение к читателю в самом начале произведения: «Выслушайте эти речи, их цель – взаимное соглашение между всеми нами, Братья. Выслушайте их вы, Братья, пространного могучего Северо-Востока и порабоженного Юга и вы, Западные Братья, состоящие в удручающем услужении чужеземцам»² [7. S. 15]. В следующем абзаце он описывает неблагоприятное положение славян и перечисляет всех исторических врагов, несущих ответственность за это положение: «В самом деле, раздирает душу зрелище, представляемое народом, самым многочисленным в Европе, разделенным [...]. Там он томится под игом турков, здесь веками служит немцам, прежде Священной Римской империи, теперь – австрийцам, пруссакам и саксонцам; там он поглощается и порабощается итальянской, здесь мадьярской стихией [...]. Жалко видеть, как значительная часть этого народа на берегах Лабы и Одры, по берегам Поморья Балтийского уже вся вымерла под тяжелым игом немцев, на севере от Италии перешла в чужую народность, а в Турции отпала от веры своих отцов и стала главной опорой угнетателей своей родины» [7. S. 16–17]. В другом месте Штур повторил эту же мысль с удвоенной силой: «Это те, кто, в упоении одержанной над нами победой, навлекли на наши головы самое плохое, самое презрительное, самое непереносимое, через наши головы прокатились, уготовили многим племенам медленную мучительную смерть, вторглись в наши священные храмы, общины и семьи, разоряя и разрушая их, растоптали наши обычаи, осыпая нас бранью и проклятиями. Они были и есть наши угнетатели, и пусть они поймут, что наши племена, с совсем другими убеждениями, чем были их, отплатят им за это» [7. S. 147].

На противоположном полюсе находится избыточное положительными оценками представление о русском народе. В его изображении читатель находит не общество во всей сложности социальных отношений, а «братьев на могущественном Северо-Востоке». Штур никогда не был в России и не видел массу необразованных, лишенных свободы крепостных. В его глазах русские – это «народ, в душе которого глубоко укоренилось уважение к правам каждой личности, который, по первоначальному своему воззрению, признает общую равноправность, сердце которого исполнено безграничной любви к людям, который обладает глубокой способностью самоуправления, такой народ может быть только прямым, добрым, честным народом» [7. S. 146–147].

Если оценивать Штура как историка, то в его труде можно увидеть в целом трезвую характеристику движения европейской истории к Реформации, его общая оценка Нового времени свидетельствует о широком кругозоре. Однако, ход истории Штур не рассматривает как причинно-следственную цепь событий и явлений в развитии общества, а лишь как их смесь, которую необходимо

---

² Русский перевод цитат из трактата Л. Штура здесь и далее дается, как правило, по изданию В.И. Ламанского 1867 г., за исключением тех мест, которые в издании отсутствуют. Все цитаты были сверены с немецким оригиналом. В случаях отсутствия перевода у Ламанского дается мой перевод с немецкого оригинала.

подвергнуть критике как одно целое³. Он не искал причины критикуемых им явлений, не приписывал ответственность за эти явления существующему общественно-политическому строю, не стремился изменить систему, как этого желали его либеральные сверстники. Наоборот, он объявил себя монархистом, лояльным по отношению к Габсбургам⁴ и восторженно отзывался о Романовых, причем его оценка ситуации в Российской империи содержит значительную долю политической наивности⁵.

Штур высказал интересные исторические наблюдения, которые можно отнести к области культурной антропологии, например, когда он писал о деградации морали в обществах, побежденных и находящихся под гнетом победителей. [7. S. 147–148]. С другой стороны, примечательна его готовность рассматривать ту или иную историческую ситуацию аисторически. Языковую и культурную дифференциацию славянских этносов Штур воспринимал фаталистически и «плакал» над «разобщенностью» славян [7. S. 16–17], как будто он не был в состоянии понять ее в контексте распада индоевропейского праединства как часть исторически необратимого процесса дивергенции, хотя он сам в другой работе об этом же процессе писал: «Народы индоевропейские, из которых славянин – брат самый младший» [5].

Итак, отношение Штура характеризуется тем же самым консерватизмом сельской среды и культурной периферии, о котором шла речь в связи с Кузмени. Штур отвергал технологический прогресс и связанные с ним социальные последствия промышленной революции, с негодованием отзывался о тысячах обанкротившихся ремесленниках, урбанизации и постепенном умирании крестьянства и возникновении нового социального слоя – рабочего класса, массы которого бедствуют в городах. Он совершенно ясно декларировал отвращение к свободе и демократии в ее западноевропейском подобии [7. S. 30–31].

На штуровской карте «испорченной Европы» больше всего критики досталось французам и Франции как рассаднику всяческих «новшеств»⁶. Менее критично Штур оценивает итальянцев, хотя им тоже вменяет ответственность за моральный маразм, в котором они сами пребывают [7. S. 106–107]. Штур

---

³ «Бросим взгляд на Запад Европы [...] В продолжение многих столетий, преимущественно со времен Реформации, мы видим одно стремление во всех движениях, как ею вызванных, так и с нею связанных или, наконец, параллельных ей политических явлений, мы видим одно неудержимое стремление к освобождению и уравниванию человека с человеком; мы слышим непрерывный крик: «Свобода, равенство, братство!» Во всех этих движениях народы стремятся к освобождению от неограниченной власти Церкви, от Государственного самовластия (абсолютизма), от сословного притеснения, от родовой, и так называемой, денежной аристократии, вообще от всевозможного гнета и насилия» [7. S. 50].

⁴ «Славянство и мир будущего» писалось Штуром и как защита его действий в 1848/1849 гг., поэтому он объясняет выступление словацких добровольцев не политическим расчетом или ненавистью к работодателям, а именно лояльностью к монархии: «Поднялись славяне в последние смуты на защиту всеми оставленной в самой себе отчаявшейся Австрии. Но славянские племена в Австрии скорее взялись за оружие, чтобы освободить австрийского государя от грозившей опасности». [7. S. 149].

⁵ «В России народ привязан к своему царю, государю, с бесконечно любовью и воодушевлением, высказывает ему всяческое уважение и почет, и да сохраняются они всегда с той же искренностью и свежестью! Народ повинуется царям с радостью в убеждении, что его цари не могут ему желать ничего злого, с готовностью приносят ему величайшие жертвы, но во всем этом ни один разумный человек не приметил ни одной черты холопства. Как бы иначе достигли цари этой высоты могущества, как могли бы возвести такое величественное здание из разрозненного, если бы русский народ не составлял с ними единой души и тела? [7. S. 149].

⁶ «[Французы] легкомысленный, своенравный, легко подверженный внешнему влиянию народ, эти впечатления все же более поверхностны, чтобы оставить какое-либо впечатление в их душе. Их природой определяемый способ поведения находим во всей их истории» [7. S. 99–100].

однозначно отвергал материализм, капитализм, либерализм и коммунизм, так как все они плодят именно те пороки, которые осуждал Коллар и поколение самого Штура в поэзии западноевропейского романтизма⁷. Таким образом, отношение к литературе, к общественным вопросам и к политике сливается в одно целое. Понятно, что такая позиция не могла не сказаться и на представлениях Штура о «своей» литературе и ее соотношении с «чужими» литературами.

Факт, что переводы Мольера, Фенелона, Руссо, Расина и Вольтера на словацкий язык появились лишь в сороковых годах XIX в. [2. С. 185–186], т.е. в эпоху, когда в самой Франции классицизм и просвещение давно вышли из моды, можно объяснить разницей «цивилизационного времени», в котором находились словацкий и французский читатель периода романтизма, т.е. некоторой неподготовленностью словацкого читателя и словацкого общества к восприятию самых современных литературных трендов. Однако свою роль тут очевидно сыграл и консерватизм колларовско-штуровской «нормы».

С точки зрения представлений о «чужой» литературе наиболее надежные данные предоставляет корпус переводов. Именно этот корпус можно считать в определенном смысле лакмусовой бумажкой, показывающей уровень доверия или недоверия к «чужому» миру. Следовательно, если Байрон, Гете и Шиллер не соответствовали «норме», освященной корифеями, и словацкие переводчики и издатели их обходили стороной, в среде тех читателей, которые ограничивались лишь чтением изданий на словацком языке, идеологические шоры на глазах соиздателей словацкого литературного канона функционировали вместе с официальной цензурой как очередная «ступень фильтрации» представлений о европейской литературе и Европе вообще.

Небезынтересно, что, вопреки декларируемой необходимости знакомства со славянскими литературами, идеологические шоры коснулись и русской литературы, России и русских. Словацкий читатель очень долго не мог прочитать на родном языке не только Байрона и Гете, но даже и Пушкина: первое произведение Пушкина, переведенное на словацкий язык, вышло в свет только в 1838 г., а до 1850 г. было издано всего лишь пять (!) переводов, опубликованных в журналах. Словацкий читатель, скованный мифом о «духовной чистоте славянства», открыл для себя Пушкина собственно только в конце XIX в., когда за пять лет вышло двадцать переводов его произведений. Пушкин был просто причислен к «опасным» романтикам, и, в отличие, например, от Хомякова, он не был достаточно «славянским». В 1851–1870 гг. соотношение переводов произведений Пушкина и Хомякова было 5 к 13 [8. С. 23].

О том, что идеологические шоры и самоцензура при переводе и издании переводной литературы с русского функционировали до рубежа XIX–XX вв., свидетельствует, например, «признание» Светозара Гурбана-Ваянского в газете «*Národné noviny*». В 1888 г. в статье о Толстом и Тургеневе он писал, что

⁷ «Итак, высшая идея, к которой приходит коммунистическое государство, или, лучше сказать, коммунистическая система, есть пропитание, насущный хлеб. Под этим предлогом наделяя каждого своим правом, столь желанною свободой и равенством, вознаграждая труд каждого и при этом полагая побудительною причиною и исходною точкою всех действий одно только тело, его потребности, его наслаждения, она освобождает тело и в других отношениях, уничтожает так называемое принуждение и дает полную волю всем страстям. Она эмансипирует женщину соответственно с понятием о равенстве, разрушает семью, уничтожает домашний очаг, и таким образом дает широкий простор безнравственности, распутству, невоздержанности. Она разрывает все союзы человеческого общества и ставит на место этих священных уз себялюбие, прихоть и т.п., вновь превращая человечество в животное состояние» [7. С. 78].

словацкое общество еще недостаточно созрело, чтобы правильно понять беспощадную правдивость русской литературы в изображении немилосерднейших вещей, и выразил опасения, что такая «свобода литературы» могла в Словакии только повредить. В статье 1908 г., посвященной творчеству Л. Н. Толстого, тот же Ваянский одобрительно высказывался об «Анне Карениной», но о романе «Воскресение» он писал, что «не удался роман у великого старца», потому что из него проистекает, что в России во «всей ее судебной и административной сфере не нашлось ни одной честной души» [8. S. 31]. Ваянскому, очевидно, были глубоко не по душе критические воззрения Толстого на положение в России, которые могли бы разрушить миф о «духовной чистоте славянства».

Естественно, идеологические шоры и самоцензура не касались лишь Пушкина или Толстого. В библиографиях за 1825–1900 гг. можно найти 865 переводов произведений русских авторов на словацкий язык, опубликованных в книгах и журналах. Вершину «рейтинга» безраздельно занимает Толстой (88 переводов), за ним следует Тургенев (60), и только затем идут Пушкин (51) и Чехов (45), с которым, кстати, по популярности соперничает Хомяков (40). Косерватизм корпуса переводной литературы наглядно показывает соотношение переводов Крылова и Гоголя – 32:26. И никак, кроме как полным «провалом», нельзя назвать количество переводов Достоевского (17) и Лермонтова (11)⁸. Если иметь в виду, что о популярности Достоевского как писателя сообщил словацкому читателю журнал «Orol Tatranský» уже в 1847 г., то не может не поражать тот факт, что первый перевод вышел лишь в 1881 г. в журнале «Slovenské pohľady» [8. S. 21].

Определенные нарушения колларовско-штуровского канона появляются только на рубеже XIX–XX вв. Из библиографий за период с 1901 по 1918 г. следует, что «рейтинг» писателей изменился, и словацкие любители русской литературы наконец-таки открыли для себя Чехова: Толстой (113 переводов) и Тургенев (47 переводов) явно отстают от Чехова с 294 переводами [8. S. 33]. Правда, с успехом Чехова все не так просто, как показывает дневник хранителя «нормы», С. Ваянского. Получив в 1905 г. перевод повести «Мужики», он для себя отметил: «Это уже просто сухая клевета, самобичевание, тенденциозная декаденция [9. S. 236]. Однако времена изменились, и Й. Шкультеты, редактор журнала «Slovenské pohľady», перевод, несмотря на мнение Ваянского, издал.

На плачевное состояние словацкой литературы на пороге XX в. в целом указывает и тот факт, что в период с 1901 по 1918 г. было опубликовано около 160 книжных переводов произведений художественной литературы на словацкий язык, из них по 39 наименований принадлежало немецким и венгерским авторам, 36 – русским, 23 – польским и 22 – чешским. Некоторую географическую ограниченность представлений рядового словацкого читателя о европейской литературе в определенной мере корректируют данные о переводных сочинениях, вышедших в свет в газетах и журналах. Их количество в сравнении с книжными изданиями на порядок выше, и кроме того, на высших ступенях журнального «рейтинга» оказались также и произведения французских авторов: с венгерского было переведено и опубликовано 1165 наименований, с русского – 899, с французского – 570, с чешского – 527, с немецкого – 390, с польского – 265 [8. S. 40].

В новых условиях после 1918 г. представления о европейской литературе в среде читателей, ограничивавшихся лишь изданиями на словацком

⁸ Обобщение данных о числе переводов см. [8. S. 38–39].

языке, стали существенно более дифференцированными как с точки зрения регионального распределения, так и с точки зрения эстетического и идейного плюрализма.

Культурный дефицит интенсивно восполнялся, количество переводов отчетливо росло, доминировали при этом произведения западноевропейской литературы. Появилось много переводов произведений французских писателей: А. Дюма, В. Гюго, Г. Флобера, А. Франса, Ж. Санд, А. Жида. Заметный сдвиг наблюдался также в переводах английской и американской литературы (В. Шекспир, Ч. Диккенс, О. Уайлд, Д. Лондон, М. Твен, Р. Киплинг, Э. По, Перл Бак, Ф. Купер). Естественным образом заполнялась лакуна немецкой литературы (Й.Ф. Гете, Т. Манн), размах и широта проявились в переводах испанской и латиноамериканской литературы (М. де Унамуно), в большом количестве выходили переводы итальянских писателей (за два десятилетия вышло более двухсот журнальных и книжных изданий, среди которых такие авторы, как А. Виванти, Х. Негри, А. Панцини, Р. Бракко, но также и Данте, Э. Де Амичис, Г. Д'Аннунцио [10. S. 21–22]).

После 1939 г., в духе идеологии национализма и строительства собственного государства, в официальной политике Словацкой республики делался упор на поддержку отечественной культуры. Тогдашнюю атмосферу хорошо иллюстрирует призыв главного редактора журнала «Slovenské pohľady» А. Мраза, который писал, что «наше отношение, наша преемственная связь с мировой литературой должны быть плодотворными [...], они не могут определяться дешевыми политическими лозунгами. На сегодняшний день мы можем с удовлетворением констатировать, что хотя наше вхождение в мировую литературу, принятие ее ценностей, не было ни систематичным, ни требовательным, в нас все-таки остаются следы осознания того факта (приобретенного в том числе и путем разочарования), что мы должны причисляться здравым образом к мировой литературе и ею же оплодотворять наше собственное художественное выражение и завоевания» [11. S. 514, 517].

Вопреки тому, что Словакия была союзником Германии и в стране правил авторитарный режим, издавались произведения авторов разнообразной идейной ориентации. Политическая и экономическая зависимость Словакии проявлялась скорее в том, что культурам и литературам стран – союзников Третьего рейха уделялось больше внимания – переводы с немецкого, итальянского, хорватского, румынского появлялись в большом количестве, но также выходили и переводы английских и французских писателей.

Самой переводимой из славянских литератур в межвоенный период была русская литература. Наряду с классиками переводились и современные авторы, причем писательский «рейтинг» практически не претерпел изменений: Толстой, Чехов, Тургенев, Гоголь, Пушкин, Достоевский. В журналах чаще всего печатали переводы Горького [12. S. 77]. Хотя литература русского авангарда в общем и целом воспринималась весьма положительно, Маяковский, тем не менее, занимал скромное место, гораздо больше появлялось переводов Блока, Есенина и русских символистов.

Переводы русских авторов продолжали выходить не только после 1939 г., а также после 1941 г., вопреки тому, что в Словакии, объявившей войну Советскому Союзу, развернулась военная пропаганда. С 1939 по 1945 г. вышло 69 книжных переводов с русского. [12. S. 73]. Среди них находились и главные романы Достоевского, в том числе «Братья Карамазовы». По

поводу отношения тогда словаков к русской литературе высказался литературный критик А. Матушка: «Пока другие русские писатели [...] давно нашли у нас свое место [...] Достоевский приходит к нам только после переворота⁹, и только в прошлом году появилось на словацком его главное произведение [...] роман “Братья Карамазовы”. Это опоздание не случайно, и его решительно нельзя объяснить простым недосмотром [...], если Достоевского обошли, то сделано это было сознательно и умышленно. Мы верили в Россию как в ничто другое, мы верили в нее, когда уже не верили ни во что другое и наша вера не вынесла бы писателя, который как никто другой показал не солнечную сторону России, не помещичью идиллию, не здоровье и уравновешенность, а неопределенность, распри грозных сил, рокот тьмы и гул. Гоголю повезло больше, его считали всего-то писателем-юмористом [...]. Почему Толстого переводили, а Достоевского нет? Не переводили самого толстовского Толстого, переводили скорее Толстого-идеолога, Толстого-пророка, мыслителя, религиозного философа» [13. S. 6].

Критическое замечание Матушки как самого авторитетного критика того времени можно считать переломным моментом в восприятии колларовско-штуровской «нормы». Мнение о ее вредности по отношению к русской литературе стало первым шагом на пути к осознанию отрицательного влияния мифов об «испорченности Запада» и «духовной чистоте славянства» на развитие словацкой культуры. Однако для осознания всей сложности проблемы по отношению к европейской литературе и к представлениям словацкого общества о Европе вообще время еще не созрело.

Тенденция к плюрализации образа европейских литератур в словацком обществе закончилась сразу после Второй мировой войны. Новую тенденцию декларировал уже выше цитируемый историк литературы А. Мраз. В небольшой брошюре, изданной Матицей словацкой под названием «Сегодняшнее состояние славянской взаимности», Мраз писал: «Мы знаем из прошлого, что мы много произносили речей о славянстве, но слова противоречили делам и знаниям...» [14. S. 23].

А. Мраз под впечатлением «боя славян против неметчины в последней войне» снова отметил необходимость для словаков ориентироваться на славянскую общность и подчеркнул их «славянские интересы», которым они, т.е. словаки, должны «подчиняться тяжелым трудом, упорной учебой, знанием трудностей, а не простым воспроизведением по памяти нескольких лозунгов». Затем Мраз наметил грандиозную программу прославянского просвещения в школах, в издательской деятельности, в журналистике и в науке. В данной связи он предложил создать особый институт, который бы занимался проблематикой славян и выделил особо, что «главное дело, чтобы новый орган научной работы о славянах с самого начала с широчайшим размахом и самым тщательнейшим способом мог решать свои задачи» [14. S. 23].

Слова Мраза служат хорошей иллюстрацией общей атмосферы в Словакии. В начале 1945 г. в Братиславе возникло «Всеславянское содружество», которое поставило задачей планомерное культивирование связей со славянскими народами, развитие взаимодействия между словаками и другими славянами. Первой манифестацией новой эры славянской взаимности в описанном духе прошел многолюдный праздник под названием «Всеславянский день», состоявшийся 5 июля 1945 г. на Девине. Восторженные сообщения словацкой печати

⁹ Имеется в виду крушение Австро-Венгерской империи.

об этих днях переполнены красивыми пропагандистскими фразами о братстве всех славянских народов и братском сотрудничестве на новой основе под руководством Советского Союза. Политическое закулисье этого мероприятия очевидно, да и сами авторы не стремились это скрыть. А. Мраз в вышеупомянутой брошюре открыто проявил симпатии к стране, в которой «русский народ, осуществляющий социализм в обществе, энергично справляется со всеми своими трудностями [...] и одновременно становится ведущим участником современных и будущих событий всего мира» [14. S. 23].

Начался своеобразный процесс аккультурации. Возник ряд научных и не очень учреждений и организаций, в которых «общность, братство и сотрудничество» со славянскими народами склонялись по всем падежам и при каждой возможности. Возникали десятки исследовательских проектов, русская тема присутствовала в каждом научном журнале, ей регулярно уделяли внимание также в печати, предназначенной для широкого круга читателей и даже стали выходить специальные журналы просветительского характера, такие, как «Čítanie o ZSSR» («Читаем об СССР») или «Poznávaj ZSSR» («Знакомься с СССР») и др.

Новая ситуация, естественно, сказалась и на литературном дискурсе. В 1940–1950-х годах вышло в свет несколько ключевых работ филологов и историков литературы, посвященных русской теме [15]. В корпусе переводов беллетристики стали отчетливо доминировать переводы русской литературы: в 1950 г. было издано 144 произведения русских авторов, 23 – французских, 21 – польских, 16 – англо-американских, 11 – венгерских и 8 – немецких. Гигантский перевес переводов с русского вместе с ограничениями разнообразия в эстетическом и идейном плане был результатом строгого отбора. Нельзя не заметить, что отбор коснулся также переводов русских авторов: среди них явно преобладают произведения «советские». Весьма действенно при этом использовались именно в словацком контексте хорошо известные и далеко не искорененные мифы об «испорченности Запада» и «духовной чистоте славянства». Правда, сами мифы подверглись определенным инновациям: вместо «испорченного» Запад становится «буржуазным», а вместо «духовно чистого» славянство стало «прогрессивным».

Цензура, имевшая в те или иные периоды разные формы институционализации, дает исключительно богатый материал для подробного исследования качества процесса советизации переводной литературы. Поскольку данный процесс был характерен для всех стран на восток от железного занавеса, сравнительное исследование дало бы возможность провести типологический анализ, релевантный и с точки зрения славистики. Естественно, если допущалось издание перевода «сомнительного» автора, то необходимы были цензурные «поправки». Примеров этому множество, начиная со стандартных переводческо-редакторских пререканий о том, может ли «Алиса в стране Чудес» молиться или нет и кончая «адаптацией» произведений методом вырезания фрагментов текста или же «адаптацией» образа творчества автора. Хорошо известно, что, например, писатель Сартр, как его себе представляли советские граждане по имеющимся в библиотеках русским переводам его произведений, диаметрально отличался от Сартра, известного во Франции. В этой связи

необходимо отметить, что «адаптации» подвергались и переводы произведений «братских и прогрессивных» литератур¹⁰.

Интересным указателем является тираж произведений: словацкие издания русских классиков печатались тиражами от трех до семи тыс. экземпляров (только Толстого, Достоевского и Чехова издавали в количестве 10 и более тыс. экземпляров), а, например, «Чапаев» Фурманова вышел в 1952 г. тиражом 32 тыс. экземпляров, «Жатва» Николаевой – тиражом 40 тыс. [16. S. 92]. Приведенные цифры свидетельствуют о попытке массовой советизации культуры с целью изменить при помощи литературы ценностные предпочтения словацкого общества и привить ему представления о мире, отвечающие сталинской версии «нового человека».

С изменением общей политической тенденции менялся и образ корпуса переводной литературы. В 1960-х годах, особенно в 1968–1969 гг., когда цензура была полностью отменена, наблюдается обратное стремление к возобновлению плюрализма в литературе. Хотя после 1971 г. поводья опять затянули, не все напечатанные книги были изъяты из обращения, «нормализация» коснулась лишь новых переводов [17]. Таким образом, хотя корпус переводной литературы вновь ограничивали идеологические шоры, по сравнению с предыдущим периодом он значительно расширился.

Показательно, что именно со временем оттепели 1968 г. связано возникновение первого критического обзора истории словацкого перевода. Его автор, корифей словацкой транслатологии, Й. Феликс, впервые в словацком литературном дискурсе сформулировал тезис о мифе «испорченного» Запада и губительных последствиях его воздействия на представления о «загранице» в словацком обществе. Хотя и с определенной стыдливостью, но все-таки достаточно ясно, он констатировал, что миф об «испорченном» Западе стал «определенным занавесом, который во времена распространения западноевропейских литератур, особенно французской литературы, не давал возможность понять настоящие идейные и художественные ценности и тем самым не дал возможности приблизиться к ним с переводческими замыслами. Миф о так называемом испорченном Западе прошел, конечно же, с разной интенсивностью, иногда не противореча самому себе, через весь XIX век и далее, до начала Первой мировой войны» [18. S. 86]. О том, насколько новаторской была в словацком контексте эта оценка, свидетельствует и тот факт, что ее до сих пор цитируют практически все итогово-обобщающие работы о словацких переводах иностранной литературы. Итак, наступил закат мифа об «испорченном Западе». После августовского вторжения войск Варшавского договора, когда «братские» и «прогрессивные» страны танками задушили «социализм с человеческим лицом», которым так были воодушевлены граждане Чехословакии, исчерпал себя и миф о «прогрессивном славянстве». Хотя и до того в Словакии уже далеко не все в него верили, военная агрессия показала лицо «распри грозных сил, рокот тьмы и гул» в своем истинном и совсем не литературном облики.

---

¹⁰ Цензурные вмешательства обычно касались щекотливых тем, связанных с разными культурными традициями, например, в области религии. Курьезный случай, показывающий сопротивление процессу советизации в быту, можно найти в словацком переводе сказки Прокофьева «Петя и волк»: главный герой, которого в русском оригинале зовут «пионер Петя», выступает в переводе под именем «malý Peter», т.е. «маленький Петер». Произведение было переведено в 1960-е годы, и хотя пионеры были в тогдашней Словакии обычным явлением, в быту такое обращение – в отличие от СССР – не использовалось. Лексему «пионер» относили к официальному стилю и переводчица М. Разусова-Мартакова сочла, видимо, данный советизм неподходящим.

1990-е годы принесли три важных сдвига в практике словацких переводов: резкое падение доли русской литературы и заметный скачок доли американской и британской литератур [19. S. 84]. Однако в первом десятилетии XXI в. видны дальнейшие изменения, динамику которых показывает таблица 1. В ней приводится абсолютное число книжных переводов из отдельных литератур и (в скобках) их процентная доля в общем корпусе переводов, включающем данные по двадцати двум национальным литературам и представляющем собой практически всю словацкую переводную беллетристику [20–21].

Табл. 1

Год	Американская литература	Британская литература	Немецкая и австрийская литература	Французская литература	Русская литература
2000	175 (57,2)	58 (19)	32 (10,5)	26 (8,5)	3 (1)
2001	160 (48,9)	66 (20,2)	39 (12)	31 (9,5)	9 (2,8)
2002	139 (50,7)	53 (19,3)	27 (9,9)	25 (9,1)	17 (6,2)
2003	138 (45)	63 (20,5)	39 (12,7)	26 (8,5)	13 (4,2)
2004	112 (40,7)	77 (28)	31 (11,3)	24 (8,7)	10 (3,6)
2005	150 (45,6)	73 (22,2)	42 (12,8)	26 (7,9)	26 (7,9)
2006	119 (37,8)	88 (28)	44 (14)	28 (8,9)	19 (6)
2007	113 (34,6)	103(31,5)	48 (14,7)	27 (8,3)	19 (5,8)
2008	141 (38,8)	99 (27,3)	53 (14,6)	24 (6,6)	13 (3,58)
2009	150 (41,7)	98 (27,2)	56 (15,6)	22 (6,1)	9 (2,5)
Итого	1397 (43,9)	778 (24,4)	411 (12,9)	259 (8,1)	127 (4)

Итак, после 1989 г. переводная литература в Словакии оказалась в ситуации, которую можно назвать естественной. Ее развитие проходит спонтанно в условиях свободы творчества и свободного книжного рынка. Сигналом преодоления влияния мифов можно считать прежде всего динамичные изменения в пользу той или иной литературы, которые убедительно показывают отсутствие одностороннего идеологического воздействия. На выбор произведений для перевода и публикации в большей степени влияют коммерческие факторы, так что причины колебаний числа переводов из литератур, принадлежащих традиционно к ведущим, коренятся, по видимому, не столько на факторах, связанных с внутренним литературным процессом, сколько на факторах международного характера и на успехе той или иной книги на европейском книжном рынке. Следует отметить, что влияние рыночного спроса отнюдь не значит исчезновение переводов из «малых» литератур. Наоборот, их заметное присутствие показывает, что представления словацкого читателя о европейских (и шире, иностранных) литературах достигает небывалого разнообразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. O literárnej vzájomnosti / Preložil, štúdiu a poznámky napísal K. Rosenbaum. Bratislava, 1954.
2. *Vojtech M.* Slovenská literatúra národného obrodzenia a európsky literárny kontext. // Česko-slovenské vzťahy: Evropa a svet. Brno, 2004.
3. *Kollár J.* Staroitalia slavjanská, kde predložil objavy a dôkazy živlů slavských v zeměpisu, v dějinách a v bájesloví svláště v řeči a v literaturě nejdávnějších vlaských a sousedních kmenů, z kterých

zřejmo, že mezi prvotními osadníky a obyvateli této krajiny i Slavjané nad jiné četnější byli. Sepsal Jan Kollár. Ve Vídni, 1853.

4. *Felix J.* Literárne križovatky. Bratislava, 1991.
5. *Štúr L.* O národních písničkách a pověstech plemen slovanských. Praha, 1853.
6. Hronka.
7. *Štúr L.* Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti / Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem J. Jirásek. Bratislava, 1931.
8. *Lesňáková S.* Na počiatku bolo Slovo (1825–1918) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
9. *Petrus P.* Vacovský denník S.H. Vajanského // Slovenská literatúra. 1962. № 2.
10. *Bednárová K.* Rukoväť dejín prekladu na slovensku Slovensku II. (Situácia slovenského umeleckého prekladu v 20. storočí). Bratislava, 2015.
11. *Mráz A.* Slovensko a jeho život literárny // Slovenské pohľady. 1938. № 10.
12. *Tesařová J.* Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
13. *Matuška A.* Niekoľko slov o Dostojevskom // Živena. 1943. № 1.
14. *Mráz A.* Dnešný stav slovanskej vzájomnosti. Martin, 1945.
15. *Mráz A.* Ruské momenty v diele Jána Kollára. Liptovský Sv. Mikuláš, 1946; *Brtáň R.* Puškin v slovenskej literatúre. Martin, 1946; *Brtáň R.* Slováci a Sreznevskij // Slovanský sborník MS. I., 1947; *Mráz A.* Z ruskej literatúry a jej ohlasov u Slovákov. Bratislava, 1955; *Stanislav, J.* Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1957.
16. *Pašteková S.* Transformácie obrazu ruskej literatúry (1945–1970) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
17. *Maliti E.* Zrkadlenie v priestore a čase – sovietsky mnoholiterárny fenomén (1971–1990) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
18. *Felix J.* Slovenský preklad v perspektíve histórie a dneška I, II // Romboid. № 2, 5–6.
19. *Eliáš A.* Podoby prekladovej produkcie umeleckej literatúry na Slovensku v rokoch 1990–1998 // Slovakistika v české slavistice. Brno, 1999.
20. *Eliáš A.* Рецепция русской литературы в Словакии в последнем десятилетии XX в. и первом десятилетии XXI в. // Вестник 28. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Budapest, 2014.
21. *Eliáš A.* Vývoj slovenského chápania stredo európskej kultúrnej súnaľezitosti na začiatku 21. storočia z hľadiska prekladovej recepcie inonárodných literatúr // Střední Evropa včera a dneš. Proměny koncepcí. Brno, 2015.